

Встреча исторического значения

БЕНЖАМЕН МАТИП

Камерунский писатель (Черная Африка)

Недавно в Ташкенте мы пережили событие, не часто происходящее в жизни писателя. Я имею в виду неделю с 7 по 13 октября, которую можно назвать исторической.

Почему же исторической? Неужели из-за речей, произнесенных теми, чьей профессией как раз и является составление безупречных фраз? Или из-за массы прожекторов, заливавших все ослепительным светом, фотографов и телевизионных камер, осаждавших нас в течение шести дней, и чрезвычайной любезности, которая, замечу мимоходом, является отличительной чертой узбекского народа?

Нет, безусловно, нет!

Если бы в Ташкенте было только это, то, уверяю вас, я тотчас уничтожил бы все заметки, сделанные в период конференции.

Нет, там было не только это — там было и другое. Впервые в истории человеческой мысли литераторы, представляющие три четверти человечества, встретились в прекрасном городе-саде, носящем поэтическое имя — Ташкент.

Встреча литераторов была организована для того, чтобы они могли заявить о всеобщем стремлении писателей внести свой вклад в дело борьбы с неисчислимыми бедствиями современного человечества, носящими названия: империализм, колониализм, расизм, нищета, капиталистическая эксплуатация, — безусловно, в рамках своей профессии, вклад профессионалов пера, слова и мысли.

Поэтому на протяжении всей недели мы много работали. Нам помогали прекрасная погода и народ, узбекский народ, чью сердечность и гостеприимство я не забуду никогда.

Но все же я лично жалею, что в последние дни работа конференции поглотила меня целиком и не дала мне возможности встречаться с моими друзьями — молодежью Ташкента, стоявшей в очереди за автографами перед нашей прекрасной гостиницей. Во

времена моей короткой юности в дебрях родной Африки я не имел возможности «охотиться» за автографами. И я спрашиваю себя: неужели с такой же страстью, как и они, я коллекционировал бы неразборчивые подписи, начертанные в спешке дружеской рукой, — автографы людей, которых я скорее всего больше никогда не увижу или, во всяком случае, не встречу в подобных же обстоятельствах. Вероятно, в тропиках, у экватора и под голубым небом Ташкента люди, будь они белыми, желтыми или черными, одинаковы в своем стремлении собирать сувениры. По этой причине многие из нас, делегатов, захватили с собой фотоаппараты.

Что касается конкретных решений, принятых нами в результате работы конференции (я имею в виду Обращение к писателям мира, создание постоянного бюро, издательства, учреждение афро-азиатской литературной премии и т. д.), то надо было удовлетворить всех. Поэтому не могло быть речи о резком тексте. Но не могло быть и речи о расплывчатом тексте мелкобуржуазного типа. Надо было суметь найти верный тон. Для того чтобы достигнуть этого, нам пришлось — сознаемся в этом — немало потрудиться.

Пусть все мои собраты-делегаты увезут с собой частицу той атмосферы дружбы, которой мы дышали в Ташкенте, воспоминания о пережитом там счастье и о многих наших раздумьях.

Пусть наши советские друзья, столь хорошо организовавшие встречу исторического значения, прочитают о глубокой и искренней признательности народов Африки и моей лично.

Это для нас, африканцев, еще живущих под развращающей сенью империализма, колокола Ташкента ответили колоколам Бандунга, Каира и Аккры для того, чтобы отзвонить панихиду позорному времени, которое мы хотим безвозвратно похоронить, и возвестить зарю новой эры — эры нашего полного и окончательного освобождения.

